A 170/1357

ПОДВИГИ РУССКИХЪ.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ

ВЪ 1877 Г.

В. Г.

Съ картою и рисунками.

ИЗДАНІЕ КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства,
ИСПОЛНЕННОЕ
И. Д. Сытинымъ и К°.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°, Пятницкая ул. собств. домъ.
1887.

Дозволено цензурою. Москва, 8 марта 1887 г.

2007099228

I.

12-го апрѣля 1877 года въ городѣ Кишиневѣ былъ объявленъ манифестъ императора Александра II о войнѣ съ Турціей. Въ тотъ же день войска наши вступили въ предѣлы Румынскаго княжества. Румынія была съ нами въ союзѣ; а потому русская армія двигалась совершенно свободно до самаго Дуная, который отдѣляетъ Румынію отъ Болгаріи, занятой въ то время турками. Но съ прибытіемъ русскихъ къ берегамъ Дуная имъ сразу представилось такое дѣло, которое потребовало отъ

нихъ великаго искусства и великаго мужества. И это первое дѣло русскихъ въ прошедшую войну — переходъ черезъ Дунай — навсегда останется для нихъ однимъ изъ самыхъ славныхъ воспоминаній.

Отъ таянія снѣговъ и постоянныхъ дождей Дунай въ ту весну разлился на огромное пространство: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега его верстъ на десять были затоплены водою. Мостовъ черезъ него не было; а на болгарской сторонѣ, противъ русскихъ, стояли сильныя крѣпости, занятыя турецкими войсками. Вдоль всего румынскаго берега у турокъ плавали по Дунаю огромные броненосцы или мониторы,—суда, обитыя желѣзомъ, вооруженныя дальнобойными орудіями и вмѣщавшія иногда болѣе 200 человѣкъ команды. У насъ же при дунайской арміи было лишь нѣсколько пароходовъ, да небольшіе паровые катера, для которыхъ каза-

лось немыслимымъ вступить въ бой съ турецкими великанами. Напасть на непріятеля съ Чернаго Моря, въ которое впадаетъ Дунай, мы не могли потому, что на Черномъ Морѣ въ то время у насъ не было военнаго флота. При такихъ обстоятельствахъ переходъ русскихъ черезъ Дунай для многихъ представлялся дѣломъ невѣроятнымъ. Начальникъ турецкаго флота, Гобартъ-паша, похвалялся, что потопитъ въ Дунаѣ всю русскую армію.

14-го апрѣля отрядъ русскихъ войскъ, состоявшій изъ двухъ ротъ Селенгинскаго полка и двухъ сотенъ Донскихъ казаковъ, вступилъ въ городъ Браиловъ, на нижнемъ Дунаѣ. Черезъ нѣсколько дней сюда же стали прибывать артиллерія, саперы, моряки, и скоро въ окрестностяхъ Браилова закипѣла оживленная работа. Съ ранняго утра до поздней ночи на берегу толпились солдаты

съ кирками и лопатами въ рукахъ, спѣша возводить батареи; отъ Браилова внизъ по Дунаю, для наблюденія за непріятелемъ, двигались кавалерійскіе разъѣзды; а на самой рѣкѣ скоро появились наши лодки: ночью или въ ненастную погоду, когда на рѣкѣ трудно было что-нибудь разглядѣть, онѣ отчаливали отъ берега и опускали въ Дунай мины, т. е. металлическіе боченки, которые были наполнены порохомъ или другимъ взрывчатымъ составомъ; эти боченки прикрѣпляли къ веревкѣ съ якоремъ и погружали въ воду настолько, что на поверхности ничего не было видно: если бы непріятельскій корабль наткнулся на такую мину, то долженъ былъ произойти взрывъ, и корабль взлетѣлъ бы на воздухъ.

Почти тотчасъ же послѣ того, какъ начались наши работы, въ виду Браилова стали появляться турецкіе бро-

неносцы, обстрѣливая нашъ берегъ и наши лодки. Выходили они, обыкновенно, изъ-за острова, лежащаго напротивъ Браилова; за этимъ островомъ находился городъ Мачинъ, отчего и островъ, и рукавъ Дуная между нимъ и городомъ назывались Мачинскими. 29 го апрѣля, въ то время, какъ русскіе собирались закладывать на Дунаѣ мины, въ устьѣ Мачинскаго рукава показались три броненосца, одинъ большой, а два другихъ поменьше. Скоро къ большому подъѣхала шлюпка, и въ ту же минуту на немъ былъ поднятъ вице-адмиральскій флагъ; потомъ оказалось, что на броненосецъ прибылъ вице-адмиралъ турецкаго флота, Баюкъ-паша. Всѣ три корабля повернулись бортомъ къ нашему берегу съ явнымъ намѣреніемъ начать бомбардировку. Въ подзорную трубу можно было видѣть обращенныя противъ насъ пушки. Тогда двумъ бат-

тареямъ, которыя къ тому времени русскіе успѣли возвести около Браилова, приказано было открыть огонь.

Выстрѣлъ за выстрѣломъ раздавались съ нашего берега, но ни одинъ не попадалъ въ цѣль. Видно было, какъ снаряды падали вокругъ большаго броненосца, поднимая столбы водяной пыли. Въ досадѣ русскіе хотѣли уже прекратить безполезную стрѣльбу. Но вотъ съ обѣихъ баттарей разомъ грянули два выстрѣла. Прошло нѣсколько мгновеній... и вдругъ огромный клубъ чернаго дыма и пламени поднялся съ палубы турецкаго броненосца и высоко взлетѣлъ къ небу; раздался ужасный трескъ, сквозь дымъ замелькали бревна, доски, мачты, люди... Когда дымъ разсѣялся, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ броненосецъ, теперь надъ поверхностью воды торчала только верхушка одной мачты съ вице-адмиральскимъ флагомъ. Русскій снарядъ по-

палъ въ отдѣленіе, гдѣ хранился порохъ, и произвелъ взрывъ.

На нашемъ берегу въ первую минуту всѣ затихли, пораженные тѣмъ, что передъ ними происходило. Но вслѣдъ затѣмъ чувство торжества охватило присутствовавшихъ, и страшное побѣдное „ура“ раздалось въ воздухѣ. Въ то же время нѣсколько русскихъ офицеровъ, желая подать помощь утопавшимъ, бросились къ шлюпкамъ и поплыли къ погибшему кораблю. Войдя въ Мачинскій проливъ, они проѣхали мимо турецкихъ окоповъ; но турки до того были испуганы взрывомъ, что молча смотрѣли на нихъ и не дали по нимъ ни одного выстрѣла.

На мѣстѣ взрыва, когда туда подошли наши шлюпки, ничего уже не было видно: все было похоронено въ Дунаѣ. Лейтенантъ Дубасовъ отцѣпилъ вице-адмиральскій

флагъ, который черезъ нѣсколько дней былъ отправленъ къ Государю. Самъ вице-адмиралъ турецкій, какъ узнали послѣ, уѣхалъ съ броненосца за нѣсколько минутъ до взрыва. Уже на возвратномъ пути плывшіе на шлюпкахъ услыхали въ камышахъ, не далеко отъ турецкаго берега, слабый стонъ и нашли турка съ страшно обожженными руками и ногами. Увидя русскихъ, онъ до того перепугался, что весь дрожалъ и не могъ произнести ни слова. Впослѣдствіи, когда онъ былъ доставленъ въ браиловскій госпиталь, то разсказывалъ, что начальство турецкое старалось увѣрить солдатъ, будто русскіе всѣхъ плѣнныхъ сажаютъ на колъ, и онъ того же ожидалъ и для себя, когда его взяли наши шлюпки. Скоро, однако, онъ вполнѣ разубѣдился въ жестокости русскихъ и сталъ уже говорить, что не только самъ никогда не будетъ воевать про-

тивъ русскихъ, но и всему своему потомству завѣщаетъ сохранять съ ними миръ. Изъ показаній этого турка узнали, что взорванный броненосецъ назывался „Лютфи-Джелиль“, что значитъ по-русски: „подъ милостью Божіей“, и что на немъ было 17 офицеровъ и 219 человѣкъ нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ уцѣлѣлъ только одинъ нашъ плѣнникъ.

Получивъ въ Кишиневѣ извѣстіе о взрывѣ турецкаго броненосца, главнокомандующій русской арміей, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, съ телеграммой въ рукахъ вышелъ изъ своего кабинета и, сказавъ: „Слушай, ребята!“ прочелъ ее присутствовавшимъ. Всеобщіе восторженные крики привѣтствовали этотъ первый успѣхъ нашъ на Дунаѣ, и черезъ четверть часа весь городъ предавался ликованію. Не имѣя возможности рѣшить, который изъ двухъ русскихъ выстрѣловъ про-

извелъ взрывъ, Великій Князь обоихъ офицеровъ, командовавшихъ орудіями, поручика Самойло и подпоручика Романова, наградилъ орденами, а наводчиковъ, Романа Давыдюка и Ивана Помпаря, знаками военнаго ордена. Жители Браилова сейчасъ же послѣ взрыва, на берегу, собрали этимъ наводчикамъ одиннадцать червонцевъ, а черезъ нѣсколько дней одесское городское общество назначило имъ по 60 рублей годовой пенсіи.

Со времени взрыва „Лютфи-Джелиль“ турецкіе броненосцы стали гораздо осторожнѣе: рѣже показывались изъ-за Мачинскаго острова и старались держаться поближе къ своему берегу. Закладка минъ въ Дунаѣ, поэтому, подвигалась очень быстро. Къ началу мая Дунай былъ загражденъ во всю ширину противъ Браилова и верстъ на пятьдесятъ ниже, противъ городка Рени. Та-

кимъ образомъ весь этотъ участокъ рѣки былъ обезпеченъ отъ вторженія непріятельскихъ броненосцевъ. Наши браиловскіе моряки могли теперь спокойно дожидаться, когда настанетъ часъ переправы. Но бездѣйствіе ихъ томило. и они рѣшились исполнить давно уже задуманную мысль. Еще до прихода нашихъ войскъ на Дунай нѣкоторые русскіе моряки, въ виду того, что флота у насъ не было, предлагали сражаться противъ турецкихъ броненосцевъ на шлюпкахъ, снабженныхъ минами. Многимъ эта затѣя казалась невѣроятной, и надъ ней даже смѣялись. Но моряки упорно держались своей мысли. Въ браиловскомъ отрядѣ служили два лейтенанта — Дубасовъ и Шестаковъ. Они-то и показали первые, что́ могутъ сдѣлать маленькія миноноски.

Получивъ разрѣшеніе отъ начальника браиловскихъ войскъ, они со-

гласились съ нѣсколькими другими офицерами напасть на мониторы, стоявшіе въ Мачинскомъ рукавѣ.

13-го мая къ вечеру у нихъ все уже было готово. У берега стояли четыре паровыхъ шлюпки, каждая съ двумя шестами, на концахъ которыхъ были прикрѣплены мины. Шлюпки эти должны были плыть одна за другою на разстояніи 20 саженей и, обогнувъ лѣсистый островъ, войти въ Мачинскій рукавъ сверху; затѣмъ высмотрѣть какой-нибудь броненосецъ и идти къ нему на всѣхъ парахъ, чтобы нанести ударъ миною.

Если бы первой шлюпкѣ почему-либо не удалось произвести взрыва, за ней должна была подходить къ броненосцу вторая, потомъ третья и четвертая; послѣ перваго удара каждая шлюпка могла опять заѣхать къ броненосцу и нанести ему новый ударъ. На первой шлюпкѣ, называвшейся „Цесаревичъ“, отправлял-

ся Дубасовъ съ 14 матросами; вмѣстѣ съ нимъ пожелалъ ѣхать начальникъ румынской флотиліи, маіоръ Муржеско; за Дубасовымъ, на шлюпкѣ „Ксенія“ долженъ былъ слѣдовать Шестаковъ съ охотникомъ лейтенантомъ Петровымъ и 9-ю матросами; двумя остальными шлюпками, „Джигитомъ“ и „Царевною“, съ 8-ю и 9-ю матросами, командовали мичманы Персинъ и Баль. Сговорились, что, въ случаѣ несчастія съ которою-нибудь изъ шлюпокъ, она должна дать сигналъ, и тогда другія придутъ къ ней на помощь: Дубасову долженъ былъ помогать Баль и наоборотъ; а Шестаковъ условился съ Персинымъ.

Цѣлый день 13-го мая шелъ дождь; къ ночи онъ прекратился, но тучи заволакивали все небо, и сквозь нихъ едва пробивался свѣтъ мѣсяца. Время для нападенія было самое удобное. Дождавшись 12 часовъ и

4 минутъ ночи, чтобы не выходить 13-го числа, которое къ тому же приходилось въ пятницу, шлюпки отчалили отъ берега. Въ третьемъ часу онѣ вошли въ Мачинскій рукавъ и различили передъ собою три турецкихъ корабля. Въ серединѣ стоялъ большой броненосецъ, вправо отъ него другой, а влѣво находился военный пароходъ. Выбравъ для нападенія средній мониторъ, Дубасовъ полнымъ ходомъ пустилъ на него свою шлюпку.

— Кто идетъ?—окликнулъ его часовой по-турецки.

Дубасовъ говорить по-турецки не умѣлъ, но слышалъ, что нужно отвѣчать часовому: „сызымъ-адамъ“, что значитъ свой человѣкъ. Онъ такъ и отвѣтилъ, но произнесъ не правильно: „сени-адамъ“. Къ тому же на окликъ часоваго турки произносятъ совсѣмъ другія слова.

Часовой переспросилъ.

— „Сени-адамъ“,—повторилъ Дубасовъ, и на третій окликъ уже съ досадою закричалъ:

— Да говорятъ же тебѣ: „сени-адамъ“.

Тогда часовой далъ выстрѣлъ; на другихъ корабляхъ также раздались выстрѣлы. На палубѣ броненосца поднялась суматоха, турки закричали, забѣгали въ разныя стороны; хотѣли выстрѣлить изъ пушки, но она три раза дала осѣчку. Между тѣмъ шлюпка Дубасова подлетѣла уже къ самому монитору и ударила его миной въ лѣвый бортъ, около кормы; раздался взрывъ, и на мгновеніе мониторъ скрылся за клубами дыма; огромный столбъ воды опрокинулся на шлюпку Дубасова и залилъ ее до борта. Когда дымъ разошелся, то увидали, что мониторъ сильно осѣлъ кормою, но продолжаетъ держаться на поверх-

ности. Тогда Дубасовъ крикнулъ Шестакову, чтобы онъ подходилъ, а самъ приказалъ дать своей шлюпкѣ задній ходъ и принялся откачивать изъ нея воду. Съ броненосца и съ двухъ другихъ судовъ въ это время шла непрерывная пальба изъ ружей и пушекъ. Несмотря на то, шлюпка Шестакова стрѣлой понеслась впередъ и нанесла ударъ монитору также съ лѣваго боку, но въ самую середину: новый взрывъ... и осколки дерева и желѣза полетѣли на воздухъ. Мониторъ сталъ медленно погружаться въ воду. Но стоявшіе на палубѣ турки продолжали стрѣлять въ нашихъ моряковъ. Шестаковъ хотѣлъ отходить... оказалось, что винтъ его шлюпки запутался въ разныхъ обломкахъ, и она не могла двинуться съ мѣста. Въ то же время Шестаковъ увидѣлъ, что къ нему подходитъ шлюпка съ одного изъ непріятельскихъ кораблей.

Отстрѣливаясь вмѣстѣ съ четырьмя матросами изъ револьверовъ, онъ началъ звать на помощь Персина, но Персинъ самъ попалъ въ бѣду: шлюпка его была пробита гранатой, а другая граната упала какъ разъ около борта и залила ее водою; пришлось ему отходить къ берегу и наскоро затыкать пробоину просаленною пенькой; но тутъ и у его шлюпки винтъ запутался въ прибрежныхъ кустарникахъ. и онъ никакъ не могъ идти на зовъ Шестакова. Къ счастью для Шестакова, винтъ у его катера удалось, наконецъ, высвободить, а непріятельская шлюпка, встрѣченная выстрѣлами, отошла назадъ. Тѣмъ временемъ выпутался изъ кустарника и Персинъ, и Дубасовъ успѣлъ откачать у себя волу. Почти уже совсѣмъ разсвѣло, когда всѣ наши шлюпки, подъ усиленнымъ огнемъ непріятеля, начали отступленіе. Отойдя немного, онѣ увидѣли, что

пораженный ими броненосецъ окончательно опускается въ воду. На минуту онѣ пріостановились, прокричали „ура“, затѣмъ продолжали свой путь и благополучно дошли до Браилова. Замѣчательно, что ни одинъ изъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ не былъ даже раненъ. Нечего и говорить о томъ, съ какимъ восторгомъ наши моряки были встрѣчены въ Браиловѣ. Въ тотъ же день Дубасовъ и Шестаковъ были вызваны въ главную квартиру, къ Великому Князю, гдѣ имъ была прочтена благодарственная телеграмма Государя и пожалованы ордена Св. Георгія 4-й степени. Не остались безъ награжденія и остальные участники подвига.

Гибель втораго турецкаго броненосца навела совершенный ужасъ на непріятеля, и съ этихъ поръ корабли его почти не отходили отъ города Мачина. Но важнѣе для насъ

было то, что успѣхи наши сильно поднимали духъ нашей арміи и вселяли къ ней все большее довѣріе со стороны нашихъ союзниковъ, особенно болгарь, которые теперь такъ и рвались поступать въ ряды русскихъ войскъ, ожидая отъ нихъ освобожденія своей родины.

II.

Не смотря, однако, на всеобщее нетерпѣніе, переправа черезъ Дунай замедлялась. Постоянные дожди сильно размыли дороги, а потому передвиженіе войскъ, особенно артиллеріи и обозовъ, представляло большія трудности; да и вода въ Дунаѣ стояла еще слишкомъ высоко. По всей линіи Дуная, занятой русскими и румынами, происходили пока незначительныя артиллерійскія и ружейныя перестрѣлки. Турки тѣмъ временемъ усиленно работали надъ

устройствомъ батарей и по всему побережью для наблюденія за нами разставили пикеты, человѣкъ по 30 въ каждомъ, на разстояніи трехъ верстъ одинъ отъ другого; пикеты эти имѣли между собой телеграфное сообщеніе; а версты на полторы или на двѣ за ними находились ближайшіе резервы. Иногда партіи турецкихъ охотниковъ переправлялись на нашу сторону. Такъ 22 мая, около города Турну, противъ турецкой крѣпости Никополя, послѣ полудня изъ прибрежнаго лѣска вышли люди, одѣтые въ платье румынскихъ крестьянъ. Подойдя къ стаду рогатаго скота, которое пасли два мальчика, они схватили одного изъ нихъ и, отогнавъ 9-ть буйволовъ, поспѣшно возвратились въ лѣсъ. Русскіе кавалеристы, посланные за ними въ погоню, нашли въ лѣсу только трехъ буйволовъ: остальной скотъ и мальчикъ были увезены на другую сто-

рону; на томъ мѣстѣ, гдѣ отчалила лодка, валялся большой кремневый пистолетъ, по которому догадались, что пріѣзжавшіе люди были переодѣтые баши-бузуки. Но подобные набѣги не всегда обходились для турокъ даромъ. Очень часто ихъ застигали наши разъѣзды, послѣ чего многіе изъ переправившихся никогда уже не возвращались назадъ. И съ нашей стороны почти каждую ночь отправлялись охотники затѣмъ, чтобы, какъ они говорили, „пощупать непріятеля“. Однажды казаки, высадившись недалеко отъ города Гирсова, захватили въ плѣнъ цѣлый отрядъ турокъ, державшихъ береговую стражу, и привезли ихъ съ собою, навьючивъ сѣномъ, которое собрали на турецкомъ же берегу. Такія поѣздки служили для солдатъ нѣкоторымъ развлеченіемъ въ ожиданіи общей переправы. Устраивали они себѣ и другія развлеченія, болѣе

мирнаго свойства, придумывая разныя издѣвательства надъ турками. Особенно занимались этимъ пластуны. Снявши съ себя бурки, они вѣшали ихъ на шесты и накрывали шапками; а сами ложились по-одаль и ждали: какъ только пуля съ противоположнаго берега попадала въ чью нибудь бурку, хозяинъ ея начиналъ кататься по землѣ, стонать, охать и кричать, что турки его убили. А то одинъ разъ пластуны отыскали заброшенную насыпь, оставшуюся отъ прежнихъ войнъ, и положили на нее бревна, обмотанныя соломой; турки издали сочли бревна за пушки и, сообразивъ, что русскіе возвели новую батарею, съ большимъ усердіемъ принялись пускать въ нее ядра, чѣмъ доставили пластунамъ не малое удовольствіе. Иногда затѣвалась игра въ переправу черезъ Дунай: изъ корягъ и негодныхъ колодъ устраивались лодки, а

въ нихъ помѣщались чучелы изъ соломы; вечеромъ такія лодки спускались на рѣку и своимъ появленіемъ производили большой переполохъ среди турокъ: не только турецкіе караулы палили въ нихъ залпами, но даже пушки съ батарей.

Къ концу мая вода въ рѣкѣ начала спадать. Главныя силы дѣйствующей арміи окончательно собрались въ Румыніи. Еще со 2-го числа Главнокомандующій жилъ въ городѣ „Плоештахъ“. Тутъ находилась главная квартира русской арміи. 26-го сюда прибылъ изъ Россіи самъ Государь. Въ началѣ іюня въ нашихъ войскахъ переправа черезъ Дунай ожидалась со дня на день, но когда именно она будетъ совершена и въ какомъ мѣстѣ, не зналъ никто, исключая Главнокомандующаго и нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему лицъ главнаго штаба. Переправа сохранялась въ тайнѣ для того, что-

бы турки какъ нибудь о ней не провѣдали и не могли заранѣе къ ней приготовиться.

Около двухъ мѣсяцевъ прошло уже съ начала войны, когда начальникъ Нижнедунайскаго отряда, генералъ Циммерманъ, получилъ отъ Главнокомандующаго тайное приказаніе переправиться 10-го іюня съ своими войсками противъ Браилова. Находя, что вода въ Дунаѣ еще слишкомъ высока, генералъ Циммерманъ просилъ Великаго Князя отсрочить переправу, но Главнокомандующій объявилъ, что ему необходимо, чтобы переправа у Браилова окончилась 10-го іюня.

Тогда приступили къ приготовленіямъ.

Еще 1-го іюня русскими была занята лежавшая противъ Браилова турецкая деревня Гечетъ. Поэтому теперь можно было навести черезъ

Дунай мостъ, который стали строить одновременно съ обоихъ береговъ.

Загражденіе нижняго Дуная минами дало возможность окончить это предпріятіе безъ всякихъ помѣхъ со стороны турокъ, которые при томъ же думали, что русскіе строятъ у Браилова мостъ только для отвода глазъ, а сами хотятъ переправиться въ другомъ мѣстѣ. Однако воспользоваться браиловскимъ мостомъ было еще нельзя, потому что за нимъ вода все еще покрывала на очень большое пространство берегъ Дуная. Между тѣмъ срокъ, назначенный для переправы, приблизился, и потому рѣшено было переплыть Дунай на судахъ, и не противъ Браилова, а немного пониже — противъ Галаца.

По свѣдѣніямъ, которыя собраны были русскими, силы турокъ на нижнемъ Дунаѣ были не велики, отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ. Но навѣрное этого, конечно, никто не зналъ.

9-го іюня, вечеромъ пять ротъ Ряжскаго полка и пять ротъ Рязанскаго съ 4-мя орудіями, подъ командою генерала Жукова, были посажены на лодки, и отплыли отъ берега. По ту сторону лежала низина, вся поросшая тростникомъ и залитая разливомъ на нѣсколько верстъ вплоть до, такъ называемыхъ „Буджакскихъ“ высотъ, которыя вдаются въ нее угломъ. Къ этимъ-то высотамъ и направлялись наши войска. Погода въ тотъ день стояла тихая, ясная; взошла луна, и на Дунаѣ было свѣтло, какъ днемъ. Съ нашего берега было видно, какъ лодки нагруженныя солдатами, пройдя главное русло рѣки, стали подвигаться по громадному разливу, то исчезая въ камышахъ, то снова появляясь въ свѣтлыхъ полосахъ воды. Верстахъ въ 3-хъ отъ Буджака наши лодки собрались у камышей и простояли до втораго часа ночи, дожидаясь захода луны. Тогда рязанцы

отдѣлились отъ ряжцевъ и направились къ лѣвому склону высотъ, а ряжцы поплыли вдоль праваго берега. Чѣмъ ближе подходили лодки къ берегу, тѣмъ труднѣе становилось продираться сквозь камыши и кустарники. Скоро пришлось бросить весла и отпихиваться баграми, а иногда тащить лодки волокомъ, при чемъ солдаты шли по грудь въ водѣ, увязая въ тинѣ и натыкаясь на разныя загражденія, нарочно поставленныя въ водѣ турками. Несомнѣнно, что непріятель былъ извѣщенъ о нашей переправѣ. Рязанцы еще находились далеко отъ берега, когда турки открыли по нимъ учащенный огонь изъ ружей. Между тѣмъ тростникъ становился все гуще, и приходилось употреблять неимовѣрныя усилія, чтобы подвигать лодки. Многіе солдаты въ нетерпѣніи соскакивали съ нихъ и шли по горло въ водѣ. Наконецъ, двѣ роты прича-

лили къ берегу. Первыми выскочили прапорщикъ Сушковъ и поручикъ Эльснеръ, который тутъ же упалъ, раненый пулею. Вышедши на берегъ, рязанцы бросились на первый рядъ турецкихъ окоповъ. Ихъ встрѣтилъ цѣлый ливень пуль; но они, не останавливаясь, по кукурузнымъ полямъ и каменистымъ кручамъ взобрались на гребень возвышенности. Тогда турки дрогнули и перебѣжали за лощину, къ слѣдующему ряду окоповъ. Въ это время высадились остальныя роты Рязанскаго полка и двинулись на поддержку своимъ. Два раза турки хотѣли остановить наступленіе противника и кидались въ штыки. Одинъ разъ даже русскіе подались было назадъ, но, во время поддержанные резервомъ, оправились и снова стали тѣснить турокъ, которые отступали все дальше и дальше отъ берега. Напрасно турки пускали въ аттаку свою конницу:

русскіе каждый разъ отражали ее залпами. Однажны только черкесамъ удалось окружить двѣ кучки солдатъ, но и тутъ наши отбились штыками и выстрѣлами въ упоръ. Между тѣмъ роты Ряжскаго полка успѣли высадиться на правомъ скатѣ горы и появились у непріятеля сбоку. Тогда, боясь, что ихъ обойдутъ, турки начали общее отступленіе. Понемогу выстрѣлы стали стихать и, наконецъ, совсѣмъ замолкли.

Однако этимъ дѣло не кончилось.

Не успѣли русскіе немного отдохнуть въ деревнѣ Гарвино, какъ турки, получивъ подкрѣпленіе съ двумя орудіями, снова стали наступать. Двѣ роты Ряжскаго полка, открывъ по непріятелю огонь, заставили его обратить тылъ и бросились его преслѣдовать. Эти роты готовились уже захватить турецкія орудія, къ которымъ подошли очень близко, когда замѣтили, что черкес-

ская конница отрѣзала ихъ отъ остальныхъ частей русскаго отряда. Въ виду такой опасности, ряжцы раздѣлились на двѣ части, и въ то время, какъ одна отбивалась отъ турецкой пѣхоты, другая бросилась въ штыки на кавалерію и этой дерзостью до того поразила черкесовъ, что они, не дождавшись удара, разсыпались въ разныя стороны. Въ это время подоспѣли остальныя роты и весь отрядъ снова соединился. Но у насъ не было артиллеріи, которая была задержана множествомъ препятствій при переправѣ, и потому перевѣсъ склонился на сторону турокъ. Русскіе подались назадъ. Тогда они увидѣли, какъ черкесы стали истязать нашихъ раненыхъ, какъ они отрѣзали имъ части тѣла и, схвативъ за волосы отрубленныя головы, кидали ихъ въ нашу сторону. При этомъ зрѣлищѣ ближайшія къ непріятелю роты пришли въ такое остервененіе,

что, не дожидаясь команды, бросились впередъ и безъ милосердія стали колоть турокъ и бить ихъ прикладами. Напрасно отдѣльныя кучки непріятелей бросали оружіе и хотѣли сдаться: пощады не было. За первыми ротами послѣдовали остальныя. Черкесы хотѣли было снова объѣхать нашъ отрядъ, но во второй разъ были отражены аттакой нашей пѣхоты. Въ то же время со стороны Дуная прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ, и русская граната разорвалась какъ разъ между двухъ турецкихъ орудій. Дружное „ура“ раздалось по всей нашей линіи и утомленные боемъ, измученные жаждою солдаты съ новымъ воодушевленіемъ стали напирать на турокъ. Вмѣстѣ съ русскимъ орудіемъ прибыли двѣ свѣжія роты Ряжскаго полка, высадившіяся слѣва отъ непріятеля и заходившія теперь ему во флангъ. Съ этой минуты турки стали поспѣ-

шно отходить, огонь ихъ началъ ослабѣвать, и скоро они совершенно скрылись изъ виду.

Генералъ Жуковъ остановилъ войска и поздравилъ ихъ съ первою побѣдой.

Все это дѣло стоило намъ 44 убитыхъ и 99 раненыхъ.

Изувѣченныя тѣла убитыхъ были подобраны ихъ товарищами и похоронены на полѣ сраженія въ одной братской могилѣ, надъ которою полковой священникъ отслужилъ панихиду. Нѣсколько въ сторонѣ была вырыта другая могила, гдѣ закопали убитыхъ турокъ.

На другой же день послѣ битвы Государь отправился въ Галацъ, куда успѣли уже перевезти нашихъ раненыхъ. Тамъ онъ обходилъ койки, разговаривалъ съ солдатами и благодарилъ ихъ за службу. Узнавъ, что первымъ вышелъ на непріятельскій

берегъ поручикъ Эльснеръ, Государь пожелалъ его видѣть и вошелъ въ шатеръ, гдѣ онъ лежалъ. Императоръ подалъ ему руку и лично вручилъ георгіевскій крестъ. Тѣмъ же орденомъ были награждены: генералъ-маіоръ Жуковъ и прапорщикъ Сушковъ; нижнимъ чинамъ тотчасъ были назначены знаки отличія военнаго ордена, а раненымъ кромѣ того денежныя пособія.

Изъ Галаца Государь выѣхалъ въ Браиловъ, гдѣ въ этотъ день готовились переправиться на ту сторону остальныя части Нижне-дунайскаго отряда.

Послѣ молебствія войска, при звонѣ колоколовъ и радостныхъ кликахъ собравшагося народа, осыпаемыя на пути цвѣтами, съ распущенными знаменами, съ музыкой и пѣснями двинулись къ берегу Дуная и частью потянулись по мосту, частью размѣстились по судамъ, разукра-

шеннымъ, какъ и весь городъ, флагами. Никто не зналъ навѣрное, какая встрѣча ожидаетъ русскихъ на томъ берегу, хотя и носились слухи, что турки, послѣ пораженія на Буджакскихъ высотахъ, отступили изъ Мачина. Но когда суда наши стали приближаться къ этому городу, изъ него показалась толпа болгаръ съ крестнымъ ходомъ и встрѣтила прибывшихъ хлѣбомъ-солью. Три священника въ полномъ облаченіи, съ небольшими деревянными крестами въ рукахъ, отслужили на мѣстѣ высадки благодарственную литію, окропили войска святою водою, и они вступили въ первый занятый нами на турецкой землѣ городъ подъ пѣніе церковнаго хора и звуки музыки.

III.

Но переправа на нижнемъ Дунаѣ была предпринята только для того,

чтобы отвлечь сюда силы турокъ. Переправить же въ этомъ мѣстѣ всѣ русскія войска нельзя было потому, что тогда, при дальнѣйшемъ наступленіи на непріятеля, русскимъ пришлось бы проходить мѣстность, защищенную четырьмя турецкими крѣпостями. Для переправы главныхъ силъ дѣйствующей арміи Главнокомандующій избралъ другое мѣсто.

Незадолго до боя на Буджакскихъ высотахъ капитанъ 1 перваго ранга Новиковъ получилъ отъ Великаго Князя приказаніе, во что бы то ни стало, заградить Дунай минами въ среднемъ теченіи, на пространствѣ отъ турецкой крѣпости Рущука вверхъ до Никополя, противъ котораго стояли крайнія войска нашей арміи.

8-го іюня, съ разсвѣтомъ 9 русскихъ лодокъ отчалили отъ селенія Парапанъ, немного повыше Рущука, и приступили къ миннымъ заграждевіямъ. Для защиты рабочихъ на

нашей сторонѣ были выставлены пушки, а на одномъ изъ двухъ острововъ, лежащихъ по серединѣ Дуная, высажены стрѣлки. Кромѣ того въ проливѣ между этими островами стояла паровая лодка „Шутка“ и наблюдала, чтобы къ мѣсту работъ не подошелъ какой-нибудь турецкій броненосецъ. Командовалъ „Шуткой“ лейтенантъ Скрыдловъ; въ качествѣ охотника при немъ находился живописецъ Верещагинъ. Несмотря на то, что на разсвѣтѣ работы наши были открыты башибузуками и приходилось закладывать мины подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, дѣло подвигалось уже къ концу: уже вся сторона Дуная до острововъ была загреждена, и русскіе перешли уже къ закладкѣ минъ на турецкой сторонѣ, когда вдругъ со стороны Рущука показался огромный непріятельскій мониторъ. Тотчасъ же лейтенантъ Скрыдловъ направилъ на

него свою лодку. Завидѣвъ „Шутку“ и догадавшись, что она вооружена миною, мониторъ вдругъ остановился и затѣмъ далъ задній ходъ. „Шутка“ пустилась за нимъ. Осыпая противника выстрѣлами, мониторъ сталъ заворачивать ближе къ турецкому берегу и хотѣлъ зайти въ небольшой заливъ: онъ надѣялся, что „Шутка“ пролетитъ мимо. Но Скрыдловъ, стоявшій у руля, во время перемѣнилъ направленіе, и „Шутка“ съ каждымъ мгновеніемъ приближалась къ непріятелю. Въ это время Верещагинъ замѣтилъ, что Скрыдловъ вздрогнулъ, словно бы его всего передернуло, и догадался, что онъ раненъ. Матросы всѣ прижались ко дну лодки. „Шутка“ уже подлетѣла къ самому борту монитора. Турки подняли страшный крикъ и съ искривленными отъ ужаса лицами бросились на другую сторону. Ударъ миною былъ нанесенъ, но...

къ общему удивленію, взрыва не послѣдовало. Оказалось, что мина испортилась. Приходилось, какъ можно скорѣе, уходить отъ монитора. Турки, между тѣмъ, оправившись отъ страха, снова открыли убійственный огонь. Одна изъ пуль ранила въ ляжку Верещагина, а „Шутка“ получила пробоину и начала тонуть. Кое какъ, однако, удалось подвести ее къ острову. Въ то время, какъ старались исправить поврежденіе, броненосецъ могъ подойти и заградить ей дорогу: въ такомъ случаѣ, по приказанію Скрыдлова, всѣ должны были выскочить на берегъ, а самую шлюпку взорвать. Но броненосецъ, къ счастью, не осмѣлился приблизиться, и „Шутка“ добралась, наконецъ, до мѣста нашихъ работъ. Раненый въ обѣ ноги и правую руку Скрыдловъ, Верещагинъ и еще три матроса были отправлены въ ближайшій госпиталь, гдѣ

Скрыдлов за необыкновенное мужество, выказанное им въ этомъ дѣлѣ, былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ изъ рукъ самого Государя.

Не успѣли наши рабочіе избавиться отъ турецкаго броненосца, какъ имъ стала угрожать новая опасность.

Съ рѣки нельзя было видѣть, что происходитъ за непріятельскимъ берегомъ, потому что берегъ этотъ очень высокъ и кончается обрывомъ. А между тѣмъ къ мѣсту нашихъ работъ изъ Рущука мчалась конная батарея, а за нею шелъ бѣгомъ цѣлый батальонъ турецкихъ стрѣлковъ. Къ счастью, съ русскаго берега во время замѣтили приближеніе непріятеля. Генералъ Скобелевъ, полковникъ Струковъ и еще нѣсколько офицеровъ бросились въ лодки и успѣли предупредить объ опасности нашихъ моряковъ, которые и ушли съ своими миноносками вверхъ и внизъ по Дунаю. Но надо было еще спасти лю-

дей, находившихся на островѣ. Часть изъ нихъ удалось размѣстить по лодкамъ; другимъ, которымъ не хватило мѣста, кидали пробковые матросскіе пояса, а неумѣвшихъ плавать привязали сзади лодокъ ружейными ремнями. Между тѣмъ турецкія гранаты уже шлепались въ воду. Наконецъ, отчалили. Стали приближаться къ русскому берегу. Вдругъ съ острова раздался отчаянный крикъ о помощи. Оказалось, что одинъ изъ матросовъ отправился отыскивать свое ружье и не замѣтилъ, какъ отплыли лодки. Тогда Скобелевъ и Струковъ перепрыгнули въ легкую весельную шлюпку и, несмотря на усиленный огонь непріятеля, вернулись назадъ. Увидѣвъ, что къ нему идетъ шлюпка, матросъ самъ поплылъ къ ней на встрѣчу и благополучно былъ доставленъ на нашу сторону.

Загражденіе Дуная у Рущука было окончено: въ то самое время,

какъ появился турецкій мониторъ, мичманъ Ниловъ успѣлъ заложить мины подъ самымъ непріятельскимъ берегомъ. Скоро этому же Нилову выпало на долю еще болѣе опасное дѣло.

Какъ извѣстно Главнокомандующій отдалъ приказаніе заградить Дунай также противъ Никополя. Когда назначенныя для этого дѣла шлюпки, 11-го іюня, готовились приступить къ работѣ, отъ Никополя отплылъ турецкій мониторъ, болѣе всѣхъ другихъ тревожившій русскихъ за послѣднее время. Онъ шелъ съ очевиднымъ намѣреніемъ помѣшать нашимъ работамъ. Двѣ миноносныя шлюпки, „Мина“ подъ командою Аренса и оправившаяся отъ послѣдняго боя „Шутка“ подъ командою Нилова, напали на непріятеля. „Мина“ сразу же была повреждена выстрѣлами съ монитора и ей пришлось отступить. Тогда Ниловъ пустилъ свою „Шутку“. Онъ хотѣлъ ударить

мониторъ въ носовую часть, но самъ чуть было не наткнулся на мину, которая была спущена съ монитора.

Счастливо проскользнувъ мимо носа, Ниловъ направилъ шлюпку къ кормѣ монитора. Онъ находился на разстояніи одной саженн отъ борта противника и видѣлъ, какъ командиръ турецкаго корабля, по виду настоящій рыжій англичанинъ, снялъ фуражку и насмѣшливо отвѣсилъ ему поклонъ. Ниловъ отвѣчалъ тѣмъ же, но кромѣ того три раза выстрѣлилъ изъ револьвера, послѣ чего англичанинъ куда-то скрылся. Однако подвести мину Нилову не удалось: „Шутка“ была пробита осколкомъ гранаты и не могла двигаться очень быстро. Поэтому мониторъ успѣлъ отвести свою корму отъ удара. Ниловъ хотѣлъ напасть съ другой стороны, но мониторъ опять увернулся.

Въ это время съ нашего берега, не переставая, пускали въ мониторъ

гранаты, которыя почти всѣ разрывались у него на палубѣ; труба его была погнута и прострѣлена. Избавившись отъ послѣдняго удара „Шутки“, онъ далъ заворотъ и на всѣхъ парахъ ушелъ къ Никополю.

Этотъ новый подвигъ „Шутки,“ за который Ниловъ получилъ георгіевскій крестъ, навелъ страхъ и на другія турецкія суда и далъ возможность на слѣдующій же день безпрепятственно загородить Дунай минами немного повыше Никополя.

9-го іюня Главнокомандующій выѣхалъ изъ города Плоешть въ сопровожденіи только трехъ лицъ: своего сына, начальника штаба и его помощника. Отъѣздъ былъ совершенъ въ такой тайнѣ, что никто о немъ и не подозрѣвалъ. Думали, что Великій Князь не совсѣмъ здоровъ и потому не показывается изъ своей комнаты, а когда замѣтили его от-

сутствіе, то никто не могъ сказать, куда и зачѣмъ онъ поѣхалъ.

Между тѣмъ Главнокомандующій лично осматривалъ берегъ Дуная, чтобы выбрать мѣсто для переправы, и окончательно остановился на городкѣ Зимницѣ, который лежалъ почти въ одинаковомъ разстояніи отъ Никополя и Рущука. Чтобы непріятель не провѣдалъ какимъ нибудь образомъ о мѣстѣ предполагаемой переправы, Великій Князь сообщилъ о своемъ рѣшеніи только весьма немногимъ лицамъ; въ томъ числѣ начальнику 14-й дивизіи, генералу Драгомирову, которому приказано было начать переправу, высадиться, занять берегъ, укрѣпиться и прикрывать дальнѣйшую переправу войскъ. Но, кромѣ Драгомирова, не только солдаты, но даже офицеры 14-й дивизіи не знали, зачѣмъ приказано имъ идти къ Зимницѣ. Въ то же время, чтобы отвлечь отъ Зим-

ницы вниманіе турокъ, Главнокомандующимъ отдано было распоряженіе начать бомбардировку турецкихъ крѣпостей. Противъ Никополя нарочно возвели сильныя батареи и выставили нѣсколько тысячъ войска. Съ 13-го іюня русскія пушки стали осыпать крѣпость ядрами. Въдень, назначенный для переправы, 14 го іюня, въ городокъ Турну, лежащій противъ Никополя, прибыли Главнокомандующій и самъ Государь и расположились позади нашихъ батарей, на Граповскомъ курганѣ, отъ котораго проведенъ былъ телеграфъ къ Зимницѣ.

Скопленіе войскъ, усиленный огонь батарей и пребываніе обѣихъ главныхъ квартиръ—все это ввело турокъ въ обманъ и заставило ихъ ожидать нашей переправы у Никополя. Они и не подозрѣвали того, что въ это время происходило у Зимницы.

Утромъ. 14-го іюня генералъ Драгомировъ пріѣхалъ въ мѣстечко Бею,

въ 30-ти верстахъ отъ Зимницы. Собравъ къ себѣ своихъ подчиненныхъ офицеровъ, онъ объявилъ имъ, что въ эту ночь 14-й дивизіи велѣно занять турецкій берегъ.

— На насъ, сказалъ онъ, возложено Государемъ великое дѣло—постараемся же выполнить его съ достоинствомъ.

Въ то же время по войскамъ 14-й дивизіи былъ объявленъ приказъ генерала Драгомирова, заключавшій въ себѣ наставленія, какъ слѣдуетъ поступать при переправѣ. Вотъ этотъ знаменитый приказъ:

„Начальникамъ всѣхъ степеней не забывать назначать, кто ихъ долженъ замѣнить въ случаѣ убыли.

„Предварить всѣхъ, что въ случаѣ дѣла поддержка будетъ, смѣны никогда. Кто попадетъ въ боевую линію, останется въ ней, пока не будетъ сдѣлано дѣло; потому патроны

беречь; хорошему солдату 30 патроновъ достанетъ на самое горячее дѣло.

«Какъ бы тяжело ни приходилось,—не унывать, а помнить, что только „претерпѣвый до конца спасется“. Святой долгъ офицеровъ—самимъ это постоянно помнить и людей подбадривать, чтобы этого не забывали.

„При вечерней и утренней молитвѣ, послѣ „Отче нашъ“ пѣть: „Господи силъ, съ нами буди, инаго бо развѣ Тебѣ помощника въ скорбѣхъ не имамы; Господи, силъ, помилуй насъ!..“

„Выносъ раненыхъ возложенъ на санитаровъ. Слѣдовательно, никто для этого и ни для чего другого рядовъ оставлять не долженъ. Офицеры и унтеръ-офицеры слѣдятъ, чтобъ этого не было. Держись кучи, выручай другъ дружку—будетъ хорошо.

„Забирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ.

„Штабъ-офицерамъ въ огнѣ рекомендую спѣшиваться.

„Врачамъ обращать бдительное вниманіе на то, чтобы люди, сколько-нибудь способные работать, въ число больныхъ не попадали.

„Никогда не забывать объявлять передъ дѣломъ—что собираемся дѣлать. Послѣдній солдатъ долженъ знать, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Тогда, если начальникъ будетъ убитъ, смыслъ дѣла не потеряется.

„Если начальникъ будетъ убитъ, людямъ не только не теряться, но еще съ большимъ ожесточеніемъ лѣзть впередъ и бить врага.

„Помнить, что сигналы наши могутъ быть подаваемы и непріятелемъ, а потому начальникамъ рекомендуется воздерживаться отъ ихъ употребленія, а работать преимущественно словесными приказаніями.

„Сверхъ того, „отбоя“, „отступленія“ и т. п. вовсе и никогда не подавать, и предупредить людей, что если такой сигналъ услышатъ, то

это только обманъ со стороны непріятеля.

„У насъ ни фланга, ни тыла нѣтъ и быть не должно: всегда фронтъ тамъ, откуда непріятель. Дѣлай такъ, какъ дома учился: стрѣляй мѣтко, штыкомъ коли крѣпко, иди впередъ — и Богъ наградитъ тебя побѣдой.

„Помнить мѣры предохраненія: отъ огня: въ огнестрѣльный періодъ боя—строй разомкнутый; близко ложатся снаряды — передвинуть впередъ; ложиться только по приказанію старшаго начальника.

„Помнить, что пока дѣло совсѣмъ не кончено,—еще ничего не сдѣлано, т. е. нужно бить до тѣхъ поръ, пока ничего свѣжаго и устроеннаго передъ тобой не останется. Иначе, получивъ подкрѣпленія, могутъ снова поворотить на насъ“.

Разсказываютъ, что по дорогѣ къ Зимницѣ Драгомировъ, обгоняя солдатъ, разговаривалъ съ ними о предстоящемъ дѣлѣ.

— Ну, ребята,—говорилъ онъ,— намъ велѣно идти въ первую голову; а посылаютъ насъ потому, что вѣрятъ не мнѣ, а вамъ Понимаете?

— Понимаемъ, ваше превосходительство!

— Середины нѣтъ, — продолжалъ Драгомировъ: или за Дунаемъ или въ Дунаѣ. Понимаете?

— Понимаемъ, ваше превосходительство!

— А если вамъ страшно, такъ скажите: я другихъ попрошу.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

И затѣмъ все громче и громче раздавались голоса:

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! Никому окромя насъ: мы васъ поддержимъ, мы постоимъ за себя.

И отдѣльные голоса сливались вмѣстѣ и все покрывалось неудержимымъ крикомъ «ура».

Къ вечеру отрядъ генерала Драгомирова былъ уже около Зимницы и расположился на отдыхъ за строеніями и садами мѣстечка, которые скрывали его отъ наблюденій непріятеля. Между тѣмъ на берегу шли подготовительныя работы.

Зимница лежитъ на довольно возвышенномъ мѣстѣ, но сейчасъ за городомъ обрывистый спускъ ведетъ къ протоку Дуная, за которымъ разстилается обширная и топкая, совершенно голая низменность, вся покрытая затонами и лужами. Эта низменность новымъ, болѣе широкимъ протокомъ отдѣлена отъ двухъ лѣсистыхъ острововъ, куда и хотѣли сначала высадить нашу пѣхоту, чтобы потомъ переправить ее черезъ главное русло Дуная. Но почва обоихъ острововъ, по развѣдкѣ, оказалась слишкомъ болотистой, и потому рѣшено было производить посадку людей, кромѣ первой партіи, изъ-подъ небольшаго

лѣска, который находится дальше по теченію, на той же низменности и вдается въ Дунай почти до самаго главнаго русла. Противоположный берегъ начинается очень крутыми обрывами. Но немного ниже противъ мѣста посадки онъ прорытъ лощиною небольшаго ручья: сюда-то должны были пристать наши лодки. По обѣимъ сторонамъ лощины, вдоль Дуная, за прибрежными обрывами, тянутся, въ видѣ огромныхъ ступеней, возвышенности, покрытыя садами и виноградниками. Немного вправо отъ Зимницы, изъ-за деревьевъ выступаютъ строенія города Систова, съ его башнями и куполами двухъ христіанскихъ церквей. Сзади Систова, подъ самымъ городомъ возвышается горный кряжъ, которымъ и хотѣлъ овладѣть Драгомировъ; отсюда онъ могъ господствовать надъ всею окружающей мѣстностью.

Чтобы можно было пройти къ лѣ-

вому, низменному берегу Дуная, у Зимницы еще наканунѣ были наведены мосты: одинъ черезъ первый протокъ, а другой черезъ ближайшій затонъ. Теперь, съ наступленіемъ темноты начали спускать на воду понтоны, т. е. большія лодки. По мѣрѣ того, какъ они подходили, нѣкоторые изъ нихъ связывали вмѣстѣ, настилали досками и устраивали такимъ образомъ паромы для перевозки пушекъ и лошадей. Въ то же время къ берегу двигалась артиллерія и становилась по обѣ стороны отъ мѣста посадки: артиллерія должна была прикрывать переправу.

Все это дѣлалось какъ можно тише. Никто не разговаривалъ, даже приказанія отдавались шопотомъ. Что бы не привлечь вниманія турокъ, запрещено было зажигать спички, курить.

До одиннадцатаго часа на турецкой сторонѣ, въ Систовѣ свѣтились огни, а слѣва по водѣ доносились

звуки военной музыки. Когда, наконецъ, непріятельскій берегъ погрузился въ темноту, и на немъ все затихло, войска наши въ совершенномъ молчаніи стали подходить къ мѣсту посадки.

Въ полночь пріѣхалъ генералъ Драгомировъ, а вмѣстѣ съ нимъ Великій Князь Николай Николаевичъ младшій и Скобелевъ, который самъ пожелалъ быть въ свитѣ Драгомирова. Прибылъ и начальникъ 8-го корпуса, въ составъ котораго входила 14-я дивизія, генералъ Радецкій. Солдаты стояли уже на берегу передъ понтонами, въ томъ порядкѣ, какъ имъ прежде было указано. Первыми отправлялись двѣ роты Волынскаго полка, 60 казаковъ, сотня пластуновъ, всего 2,250 человѣкъ и 8 горныхъ орудій. Всей этой партіей командовалъ генералъ Іолшинъ.

— Готовы? — спросилъ Драгомировъ.

— Готовы!—послышался шепотъ.

— Ну, съ Богомъ; садись.

Войска размѣстились. Драгомировъ снялъ фуражку, перекрестилъ понтоны, перекрестился самъ; всѣ солдаты тоже, снявъ шапки, перекрестились.

Отчаливай!

И понтоны стали отходить отъ берега.

Былъ второй часъ ночи. Къ этому времени разыгрался вѣтеръ, и на Дунаѣ поднялось сильное волненіе. Въ темнотѣ наши понтоны едва-едва отдѣлялись отъ рѣки. Всѣ, остававшіеся на берегу, съ напряженіемъ всматривались передъ собою, изрѣдка передавая другъ другу свои наблюденія. Всѣхъ томилъ вопросъ, ждутъ ли насъ турки или нѣтъ? Нѣкоторымъ показалось, наконецъ, что понтоны подошли къ турецкой сторонѣ. Все тихо. Но, вотъ, раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій—все чаще и ча-

ще. Гдѣ-то слѣва завизжалъ турецкій рожокъ. Версты на три ниже лощины вспыхнуло пламя сигнальнаго костра, и скоро весь гребень противоположнаго берега заискрился огоньками ружейныхъ выстрѣловъ. Сраженіе началось.

Когда понтоны вышли на середину Дуная, волненіе усилилось до того, что ихъ разбросало въ разныя стороны, и они не могли уже слѣдовать въ томъ направленіи, какое было указано имъ прежде. Часть изъ нихъ прибило къ турецкому берегу, выше лощины, другія отнесло на версту ниже. Однако же нѣсколько понтоновъ успѣли пристать къ самой лощинѣ. Турки, очевидно, не ожидали нашей переправы. Первыми вышли на берегъ генералъ Іолшинъ и нѣкоторые другіе офицеры съ горстью стрѣлковой роты и пластуновъ. Пластуны тотчасъ же подкрались къ турецкому пикету и безъ

шума его перерѣзали. Но часовой, стоявшій дальше въ лощинѣ, около турецкой караулки, замѣтилъ, что на берегъ высадились какіе-то люди, и далъ по нимъ выстрѣлъ. Этотъ-то выстрѣлъ и произвелъ тревогу среди турокъ, и они со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться къ лощинѣ. Генералъ Іолшинъ приказалъ своимъ людямъ залечь въ устьѣ ручья и, въ ожиданіи поддержки, отстрѣливаться отъ непріятеля. Въ это время пристававшіе въ разныхъ мѣстахъ солдаты сами собирались въ кучки, не разбирая, къ какой ротѣ или взводу они принадлежатъ, и отовсюду бѣжали къ лощинѣ. Но вслѣдствіе волненія понтоны двигались крайне медленно, и потому русскихъ въ лощинѣ было все еще очень мало. Между тѣмъ турки прибывали съ каждой минутой и скоро усѣяли возвышенности по обѣ стороны лощины, осыпая пулями и нашъ высадившійся

отрядъ, и плывшихъ по Дунаю. А вмѣстѣ съ первыми проблесками свѣта со стороны Систова прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ, и черезъ мгновеніе турецкая граната врѣзалась въ воду между понтонами. За первою гранатой полетѣли другія. Снизу отъ лощины, со стороны турецкой батареи, находившейся верстахъ въ 3-хъ отъ берега, также началась пушечная пальба.

Съ минуты на минуту переправа становилась опаснѣе. Гранаты и пули то и дѣло ударяли въ понтоны. Съ нашего берега можно было видѣть, какъ на какомъ нибудь понтонѣ вдругъ начинали одинъ за другимъ склоняться штыки, падали весла и понтонъ несло теченіемъ до тѣхъ поръ, пока его не заливало водою, и тогда онъ тихо погружался въ Дунай, хороня вмѣстѣ съ собою и все, что на немъ было. Долго послѣ этого изъ Дуная вылавливали мертвыя тѣ-

ла. Нѣкоторымъ, впрочемъ, и съ этихъ погибшихъ понтоновъ удалось спастись. Такъ, матросъ Семенъ Лопатинъ, раненный въ плечо и въ кисть другой руки, вмѣстѣ съ двумя товарищами схватился за плывшую доску. Всѣ трое были прибиты теченіемъ къ одному острову. Но товарищи Лопатина поплыли съ доской дальше и, вѣроятно, погибли; а онъ, обезсилѣвъ, рѣшился остаться на островѣ. Пять дней провелъ онъ здѣсь безъ всякой помощи и даже безъ пищи; въ ранахъ его завелись уже черви, и онъ умиралъ отъ голода, когда шедшій мимо русскій пароходикъ захватилъ его и доставилъ въ Зимницу, въ госпиталь. Подобнымъ же образомъ спасся солдатъ Крыловъ, который вмѣстѣ съ собою спасъ еще двухъ раненныхъ товарищей, помогая имъ держаться за доску отъ разбитой лодки. Но такихъ, какъ Лопатинъ и Крыловъ, было не-

много. На одномъ изъ паромовъ шелъ взводъ горной артиллеріи съ начальникомъ батареи, подполковникомъ Стрѣльбицкимъ, нѣсколькими другими офицерами и 19 нижними чинами. Попавъ подъ усиленный огонь непріятеля, понтоны, поддерживавшіе настланный на нихъ плотъ, были пробиты и быстро стали наполняться водой. Однако, надежда добраться до берега не была еще потеряна, и гребцы старались изо-всѣхъ силъ, когда вдругъ о край плота ударилась и съ трескомъ разорвалась граната. Испуганныя лошади кинулись къ противоположному краю и сильно наклонили паромъ; орудія и вьюки съ снарядами покатились на ту же сторону: паромъ наклонился еще болѣе и въ ту же минуту пошелъ ко дну. Нѣсколько мгновеній на водѣ барахтались люди, старавшіеся ухватиться за какіе-то обломки, но скоро все исчезло съ поверхности.

Между тѣмъ въ лощинѣ, на турецкомъ берегу завязался уже рукопашный бой. Пятнадцать человѣкъ русскихъ, подъ предводительствомъ капитана Фока, бросились на турецкую караулку, около которой собралось до 60-ти турокъ, и дружнымъ натискомъ выбили оттуда непріятеля. Послѣ этого къ караулкѣ стали подбѣгать и выстраиваться отдѣльныя кучки высадившихся солдатъ. Когда собралось достаточное число людей, русскіе двинулись впередъ по лощинѣ. Вся мѣстность была усѣяна большими камнями и перерѣзана множествомъ рвовъ, такъ что непріятелю очень удобно было укрываться отъ нашихъ выстрѣловъ; приходилось дѣйствовать исключительно штыками. При этомъ турки оказывали сильное сопротивленіе. Особенно упорно защищались они около водяной мельницы, отстоявшей саженяхъ въ двухстахъ отъ берега. Въ это время нѣ-

которые изъ понтоновъ успѣли вернуться на нашъ берегъ и захватили новыя войска. Со второй партіей переправился генералъ Драгомировъ, въ сопровожденіи Скобелева и другихъ лицъ. Выйдя на берегъ, Драгомировъ тотчасъ же распорядился поддержать нападеніе на мельницу и лично повелъ людей въ дѣло. Тогда около мельницы загорѣлся отчаянный бой. Турки дрались съ ожесточеніемъ. Все пространство около мельницы было усѣяно трупами. Наконецъ, часть турокъ перебѣжала въ гору и засѣла въ виноградникахъ; но другая часть заперлась внутри и ни за что не хотѣла сдаваться, отстрѣливаясь изъ оконъ. Русскіе начали уже выколачивать дверь прикладами, когда вдругъ отъ мельницы повалилъ густой дымъ и стали вырываться языки пламени. Кто поджегъ мельницу, русскіе или турки, осталось неизвѣстнымъ. Но изъ сосѣдняго ла-

геря къ туркамъ прибывали все новыя подкрѣпленія. Они опять стали напирать на нашу передовую цѣпь и готовы были отбросить ее къ Дунаю. Къ счастью, въ это время съ великимъ трудомъ удалось вытащить на берегъ наше первое орудіе. Удачный выстрѣлъ изъ него заставилъ турокъ попятиться, а когда прибыло второе орудіе, то они, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, побѣжали назадъ. Надо было воспользоваться этимъ мгновеніемъ, и потому 3-й стрѣлковой ротѣ приказано было идти на приступъ высотъ, окаймлявшихъ лощину съ лѣвой стороны, гдѣ особенно много засѣло турокъ. Въ поддержку этой ротѣ были посланы двѣ другія; но въ передней изъ нихъ перебили всѣхъ офицеровъ, и она пришла въ замѣшательство. Тогда на выручку стрѣлковой роты была двинута только-что высадившаяся въ лощинѣ рота гвардейцевъ. Въ то же

время пристала къ берегу, немного ниже лощины, 12-я рота Волынскаго полка и напала на непріятеля сбоку. Первымъ вскарабкался капитанъ Бряновъ и съ крикомъ «ура» бросился на турокъ. Въ одинъ мигъ въ него впилось нѣсколько штыковъ; онъ былъ поднятъ на воздухъ и затѣмъ сброшенъ навстрѣчу подоспѣвшимъ солдатамъ. Получивъ девять ранъ и истекая кровью, Бряновъ однако приподнялся на локоть и нѣкорое время продолжалъ командовать. На слѣдующій день онъ умеръ въ зимницкомъ госпиталѣ. Передъ смертью Государь самъ возложилъ ему на грудь георгіевскій крестъ.

Долго бились гвардейцы и волынцы на лѣвыхъ высотахъ. Въ самомъ разгарѣ боя на одной изъ возвышенностей вдругъ показались двѣ новыя роты турокъ и стали палить залпами въ паромъ, на которомъ плыли 60 человѣкъ Минскаго полка.

Всѣ эти 60 человѣкъ были перебиты. Но высадившаяся вслѣдъ затѣмъ рота минцевъ бросилась на турокъ въ штыки и въ свою очередь многихъ изъ нихъ положила на мѣстѣ. Наконецъ, уже къ шести часамъ утра турки настолько отодвинулись на лѣвыхъ высотахъ, что съ этой стороны ихъ выстрѣлы перестали угрожать переправѣ. Къ этому же времени они начали отступать и съ другой стороны лощины. Тогда генералъ Драгомировъ двинулъ только что высадившіяся свѣжія войска, подъ командою генерала Петрушевскаго, прямо къ городу Систову. Въ девятомъ часу утра къ Зимницѣ подошелъ сверху русскій пароходъ «Аннета» съ двумя баржами, что значительно ускорило переправу.

Новыя войска высаживались уже безъ всякой потери, потому что по Дунаю продолжала стрѣльбу только одна систовская батарея. Замѣча-

тельно, что эта батарея была вооружена только однимъ орудіемъ и, несмотря на то, что съ нашего берега по ней былъ открытъ огонь сперва изъ 24, а потомъ изъ 36 пушекъ, она, благодаря своимъ земляным укрѣпленіямъ, не прекращала пальбу до самаго полудня, причемъ успѣвала и отвѣчать нашимъ орудіямъ, и стрѣлять по войскамъ, ожидавшимъ переправы, и пускать гранаты въ двигавшіеся по рѣкѣ понтоны. Говорятъ, что этой батареей командовалъ англичанинъ...

Въ 5 часовъ по полудни на Граповскій курганъ, гдѣ пребывали Государь и Главнокомандующій, пришла изъ Зимницы телеграмма отъ начальника штаба дѣйствующей арміи, начинавшаяся слѣдующими словами:

«Предначертанія Вашего Императорскаго Высочества увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Многотрудная и сложная задача военнаго дѣла, пе-

реходъ Дуная, разрѣшена. Систово и окружающія высоты въ нашихъ рукахъ. Я счастливъ, что могу отъ души поздравить Государя Императора и Ваше Высочество съ блестящимъ успѣхомъ нашихъ храбрыхъ и дорогихъ войскъ».

— Ура! Главнокомандующему и войскамъ ура! крикнулъ Государь, прочитавъ это донесеніе.

Вслѣдъ затѣмъ онъ пожаловалъ Великому Князю орденъ Св. Георгія 2-й степени, обнялъ его и крѣпко поцѣловалъ. И долго потомъ, до самой ночи, не прекращались радостные крики и ликованіе въ русскомъ лагерѣ.

Но еще большая радость была на томъ берегу. Когда русскіе входили въ Систово, къ нимъ высыпали на встрѣчу толпы болгаръ съ духовенствомъ впереди, съ хоругвями и крестами. Солдатъ нашихъ обступили со всѣхъ сторонъ. Женщины поднимали своихъ дѣтей, чтобъ они лучше мог-

ли разглядѣть русскихъ. Всякій тащилъ имъ какое-нибудь угощеніе: кто вина, кто табаку, кто фрукты; всякій зазывалъ остановиться у него въ домѣ. Повсюду слышались радостные возгласы, всѣ другъ друга обнимали, цѣловались, какъ будто наступилъ Свѣтлый праздникъ.

Съ занятіемъ Систова переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай была вполнѣ обезпечена. Спустя нѣсколько дней, между Зимницей и Систовымъ былъ наведенъ мостъ, и теперь вся русская армія могла вступить на турецкій берегъ.

Насколько трудно было дѣло, которое исполнили наши войска въ ночь съ 14-го на 15-е іюня, лучше всего доказываютъ слова турецкаго главнокомандующаго, Абдулъ-Керима, который будто-бы увѣрялъ, что скорѣе у него на ладони выростутъ волосы, чѣмъ русскіе перейдутъ Дунай у Систова.

КОНЕЦЪ.

2007099228